

Валентин Пикуль

Париж на три часа

«ВЕЧЕ»

1960-62, 1984–85

Пикуль В. С.

Париж на три часа / В. С. Пикуль — «ВЕЧЕ», 1960-62, 1984–85

Роман «Париж на три часа» – о дерзком заговоре французского генерала Мале, пытавшегося свергнуть императорскую власть в Париже в 1812 году после разгрома наполеоновской армии в России.

© Пикуль В. С., 1960-62, 1984–85

© ВЕЧЕ, 1960-62, 1984–85

Содержание

Преддверие	5
1. Не бойся «чихнуть в мешок»	8
2. «Заговор предположений»	11
3. Последние репетиции	14
4. Диагноз: острое помешательство	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Валентин Пикуль

Париж на три часа

Преддверие

Один император, два короля и три маршала с трудом отыскиали себе для ночлега избу потеплее.

Наполеон молча скинул шубу на лавку. Бертье смахнул мусор с крестьянского стола и раскатал перед властелином Европы упругий свиток походной карты.

Взгляд императора едва скользнул по ней.

– Можайск... Вязьма, – сказал он сипло от простуды. – Даст ли отдых нам Дорогобуж? Осторожность у нас выдается теперь за отвагу, а отвага происходит от осторожности...

Он медленно опустился на лавку, скрипнувшую под ним. Растопырив пальцы маленьких, изящных и давно не мытых рук, император надолго погрузил в них свою тяжелую голову.

«Великая армия» тянулась во мгле загадочных дорог, она пропадала и гибла в косых заснеженных перелесках. Сражение под Малоярославцем принесло Наполеону лишь отчаяние. Даже «старые ворчуны», как любил называть он свою гвардию, сегодня встретили его молчаливо... Наполеон глянул на соратников из-под пальцев – зорко, почти с опаскою. Вот они, делившие его славу: Мюрат, принц Евгений, Даву, Бессьер и неутомимый Бертье – его зеркало, гулкое эхо его приказов.

За мерзлым окном избы клубились синие вьюги.

Тихо, но озабоченно император спросил о курьере из Парижа.

Нет, отвечали ему, курьера сегодня не было.

Безмолвие затянулось...

За печкой таинственно шуршали мудреные русские тараканы. Мужиковатый Даву тяжело и хрипло дышал в потемках. Рассеивая мрак, принц Евгений (пасынок императора) задумчиво растепливал одну свечу от другой. В приделе избы, за стенкою, плакал разбуженный ребенок. Мюрат вдруг не выдержал и по-юношески легко пробежался вдоль широкой половицы.

– Мне надоело это! – выкрикнул он порывисто. – Кругом – леса, леса, леса... можно сойти с ума от этих бесконечных лесов. Но я, сир, презираю все – и русских рабов, не знающих благородства, и эти леса, в которых они прячутся... Бессьер, дайте мне остатки вашей кавалерии. Я брошусь на русские батальоны, я открою любую дорогу... хоть до Варшавы!

– Ничего я не дам, – мрачно ответил Бессьер.

Неаполитанский король промолчал, и тогда Наполеон медленно оторвал голову от стола.

– Довольно бравады, – сказал он внятно. – Мы и так слишком много сделали для славы Франции... Кажется, что именно теперь настало время задуматься о спасении чести!

Судьба армии была решена, и она покатила по Большой смоленской дороге – навстречу неизбежной гибели.

Иногда, уставая ехать в карете, Наполеон пересаживался в седло. Лошадь императора была одета в зеленую, расшитую золотыми галунами шубу. Нелепый меховой чепец укрывал ее голову от стужи.

Внешне император был спокоен, но часто спрашивал о курьерах из Парижа: проскочив через Вильно, они бесследно пропадали в русском безлюдье. Только в Михалевке, под Дорогобужем, ему доложили, что один из курьеров прорвался мимо платовских казаков. Наполеон заметно оживился.

Но из прибывших бумаг выяснилось, что 23 октября 1812 го-да Париж, столица его баснословной империи, принадлежал уже не ему, а – другому человеку...

Бертье, читая рапорт герцога Ровиго, запнулся.

– *Имя?* – грозно потребовал от него император. – Что вы примолкли? Скорее прочтите мне имя...

Бертье выпрямился и четко выговорил:

– Клод Франсуа *Мале!*

Наполеон резко повернулся к свите:

– Разве моя армия знает об этом безумце?

Многие пожали плечами: одно имя мало что говорило.

Граф Филипп Сетюр, слывший за первого остроумца во Франции, поспешил отшутиться за всех.

– Сир, – улыбнулся он, легкомысленно шаркнув ногою, – всех безумцев Парижа знает один лишь доктор Дебюиссон!..

Наполеон был растерян, и это заметили все.

– Генерал Мале, кажется, принял меня за генерала Бонапарта, у которого можно отнять дивизию, между тем он забыл, что я – император, а моя империя – не дивизия... Что ему было нужно, этому искателю приключений? – выкрикнул Наполеон. – Если мой скипетр, то он слишком тяжел для такого слабоумца!

– Вы ошибаетесь, сир, – ответил старый грубиян Даву. – Таким людям, как генерал Мале, ваш скипетр не нужен. Они переломили бы его о свое колено, словно палку...

Ночь в Дорогобуже была проведена беспокойно.

Париж был отнят у него. И кем же? – республиканцем в обветшалом мундире, который бежал из больницы для умалишенных.

«Где же предел моей власти и насколько она велика, если человек выбежал из бедлама – и столица могучей империи пала к его ногам?» Париж потускнел в его глазах. Правда, он еще не потерял своего очарования. Император испытывал к этому городу почти ревнивое чувство, как к любимой женщине, осквернившей себя в чересчур пылких объятиях другого...

– Генерал Мале, – бредово шептал Наполеон, – кто бы мог подумать? Бригадный генерал Мале... негодай!

Армия наконец-то дотатила свои ноги до Смоленска.

Комендант города поначалу даже не хотел открывать ворота: в толпе прозябших и нищих калек он не сразу признал бранные останки когда-то «Великой армии», наводившей ужас на всю Европу. Смоленск был выжжен – как и Москва! Среди обгорелых развалин кучами валялись непогребенные трупы завоевателей, бродили толпы дезертиров и мародеров. («Лица, закопченные дымом бивуаков, красные и свирепые глаза, всклокоченные волосы делали их всех похожими на преступников...»). Наполеон, опираясь на плечо Армана Коленкура, пешком поднялся по взгорью от Московской заставы до Новой площади в центре города, где для него была приготовлена квартира. Все четыре дня подряд он не покидал своего убежища, а тяжкие раздумья императора иногда прерывались вспышками самого дикого, самого необузданного гнева...

Генерал Мале по-прежнему занимал его мысли!

– Неужели вся моя власть покоилась на песке? – спрашивал он. – Неужели достаточно одного слабого толчка, чтобы все мое величие оказалось прахом? Мне думалось, что искры революции уже затоптаны. Но... что скажут теперь в Европе?

Отсюда, из Смоленска, император слал письма (которые лишь в 1907 году появились в русской печати) министру полиции Савари, герцогу Ровиго. Наполеон спрашивал, как могло случиться, что на целых три часа Париж был отдан во власть республиканцев? Каждое письмо к Савари император заключал словами: «За сим молю Бога оградить Вас своим святым покровом». Удивительна фраза Наполеона из его смоленского письма от 11 ноября: «Господин гер-

цог Ровиго, я желаю, чтобы все, что имеет отношение к делу Мале, было опубликовано... Это пустое дело, но убедить в этом публику можно лишь путем оглашения...» Коленкуру он сказал:

– С этими французами, как и с женщинами, нельзя разлучаться на долгое время: они обязательно изменят...

Наполеон все чаще возвращался в своих мыслях к Парижу, и в медвежьем захолюстье Сморгони он покинул армию, устремившись во Францию. Сопутствовали ему, кроме Коленкура, польский офицер Вонсович и верный мамелюк Рустам. Забившись в глубину крытого возка, Наполеон бежал от армии *тайно*, неузнанный и таинственный. В дальнейшем же, если речь заходила о генерале Мале, император отзывался о нем с легким пренебрежением.

– Ах, этот жалкий маньяк! – отвечал он, как бы не сразу припомнив, о ком идет речь. – Но стоит ли говорить о нем?

* * *

Впрочем, и позднейшие историки еще долго спорили (и по сю пору спорят) – был ли в полном разуме человек, пытавшийся отнять Париж у императора Наполеона, чтобы вернуть его законному владельцу – *народу* Франции!

Арман Коленкур четко зафиксировал фразу Наполеона, сказанную им еще в Михалевке. «Этот бунт, – говорил он, – не может быть делом одного человека...» Существенное признание!

Наполеон вроде бы желал оглашения всей процедуры заговора генерала Мале, но потом сам же утвердил версию, будто генерал Мале был лишь ненормальным одиночкой, ибо только безумный одиночка – в его понимании! – мог покуситься на власть императора. Между тем, как пишет советский историк А. З. Манфред, «он еще в России, под Дорогобужем, когда ему было доложено дело Мале, понял его истинный смысл. То был республиканский заговор, в том не могло быть сомнения...».

Наполеону было бы невыгодно (и даже опасно!) признать перед миром и Францией, что Мале не был одинок, что за ним стояли мощные подпольные силы той революции, которые еще действовали, которые ему, Наполеону, так и не удалось растоптать, – и потому лживая версия о Мале как о «безумном одиночке», очень удобная для императора, надолго утвердилась в литературе, поддерживаемая историками-бонапартистами.

Между тем Наполеон знал, что подлинная правда о заговоре Мале, страшная для империи, таила в себе угрозу всему его деспотизму...

Именно тогда Талейран и сказал:

– Ну, вот! Это уже начало конца...

Этот человек никогда не был одиночкой, у него были ресурсы и было содействие. Он был членом большой организации.

Паскаль Груссе.

«Заговор генерала Мале»

Судьба была против него, и он погиб жертвой тирана. Но великими были дерзания его.

Ж.-Ф. К. де-Лавинь.

«Эпитафия Мале»

1. Не бойся «чихнуть в мешок»

Давно отошли в прошлое восторги тех славных дней, когда фунт бастильского камня стоил на рынке дороже фунта жирной говядины. Ах, какие чудовищные брошки мастерили тогда из него ювелиры – патриоты республики! Но булыжники тюрьмы Ла-Форс, разобранный в 1840 году, не попали в число священных реликвий и закончили свой век на мостовых Парижа, сухо гроыхая под колесами спешащих дилижансов. Боже мой, как давно это было...

В эпоху наполеоновской империи улочка Паве еще хранила на фасадах домов вывески времен Рабле – золоченых рыб и волосы Дианы, бегущих оленей и завитые кренделя колбас. Старинный замок Ла-Форс тяжко осел в землю на перекрестке Паве, а новейшая улица Королей Сицилии срезала его сбоку наискосок, обнажив при этом застарелую копоть на стенах. Дожди быстро смыли ее, и в памяти парижан навсегда угасли отзвуки карнавалов, когда шуты в маскарадных платьях пылали живыми воющими факелами. Давняя старина... Потом здесь поселились короли Наваррские, и эти же камни по ночам прислушивались к шепоту Изабеллы, подсыпавшей яд в бокалы прискучившим любовникам. Под этой же вот крышей прозвучали и злоречивые наветы кардинала де Виаржу, которому народная молва приписывает сооружение прохладного фонтана – несколько долгих-долгих веков тихо журчал он под самыми окнами замка Ла-Форс...

Майор Мишо де Бюгонь, комендант парижской тюрьмы Ла-Форс, был старым закаленным ветераном. Корявые пальцы его, приученные сливаться воедино с эфесом сабли, теперь тоскливо перебирали гроыхающие ключи от секретных камер. Как бывалый солдат, комендант высоко ценил чужое мужество и потому отзывался о своих постояльцах с искренним уважением.

– Вот ключ от восьмой камеры, – говорил де Бюгонь своей толстухе жене. – Разве я могу сказать что-либо скверное о генерале Лагори? Ведь это он был адъютантом у Моро, когда тот сорок дней пробивался через Шварцвальдское ущелье. Правда, тогда было время республики, и генерал Лагори доныне ей верен.

– Не забывай, что у нас император, – отвечала разумная жена, поворачивая над огнем камина вертел с индюшкой.

– Да, – вздыхал тюремщик, – сейчас император... А вот тебе и номер пятый, угловая камера южной башни! Поверь: мне стыдно глядеть в глаза генералу Ридалью, который сидит там. Ведь я служил сержантом в его полку, и он всегда был так добр с нами, солдатами... Это настоящий республиканец!

– Но сейчас у нас император, – снова напоминала жена.

– Великий император! – восторженно подхватывал де Бюгонь, и, волоча по камням ногу, помятую в атаке при Аустерлице, он уходил проверять запоры тюремных камер...

Говорливые прачки Парижа, полоскавшие белье возле фонтана, иногда видели в одном из окон замка лицо секретного узника. Повиснув на прутьях решетки, он спрашивал их:

– Француженки, в Париже ли сейчас император?

И каждый раз прачки отвечали по-разному: Наполеон после Тильзита сражался в Испании, он охотился в Фонтенбло, ездил на торжества в Эрфурте и очень редко находился в столице. Но однажды, осмелев, женщины просили узника назвать себя. И в ответ он крикнул им из окна тюремной башни:

– Слушайте: я – бригадный генерал Клод Франсуа *Мале*... Неужели же патриоты Франции забыли мое имя?

Но имя генерала Мале давно находилось под негласным запретом. Полицейский бюллетень гласил: «Мале упрям, он сторонник якобинства и недовольства, многие черты его характера говорят о том, что это человек очень решительный и всегда готов на любые авантюры».

Министр полиции Савари, герцог Ровиго, внес свою лепту в характеристику нашего героя. «Мале, – писал он, – искренно вошел в революцию, с большим жаром исповедовал ее принципы. Для заговора он обладал тем характером, который отличал еще древних греков и римлян...»

Верно подмечено! Мале и сам говорил о себе:

– Мы не последние римляне, за нами идут другие...

* * *

Генералу было уже за пятьдесят. Сухощавый и ладно собранный, Мале казался даже несколько изящен, как юноша. Уроженец гористой Юры, он был стремителен в поступках и порывист в жестах, но поступь имел плавную, почти неслышную. Крупные, как миндалины, вишневого оттенка глаза, седые волосы, сочный смех. Речь его звучала всегда гортанно и певуче.

Он любил жену и был любим женою. Старики надзиратели, ветераны войн революции, отзывались о Мале почти с нежностью: ведь этот узник был окружен для них ореолом героических битв за права Человека...

– Наш орел! – говорили они восхищенно. – Конечно, разве генерал Мале усидит в этой клетке?

Да, было время, когда француз спрашивал француз:

– Скажи, что ты сделал для республики такого, чтобы быть повешенным в случае, если победит контрреволюция?

Мале еще юношей, в мундире «черного мушкетера», прославился в салонах Парижа насмешливым умом и порицанием монархии. «Эти Капеты!» – говорил он о Бурбонах, презрительно именуя королей по фамилии. Во время казни Людовика XVI он сидел в кабачке перед открытым окном – как раз напротив эшафота; когда же голова короля выкатилась из-под ножа в корзину, Мале поднял бокал с легким вином:

– Вот так славно соскочила! Ну-ка, выпьем...

Под знаменами обновленной Франции он сражался за республику в армиях Моро и Пишегрю; дым бивуачных костров, голодная жизнь солдата, громкие победы на маршах – он сроднился с этим и не мыслил судьбы иной. Париж, когда он снова появился в нем, показался генералу уже не тем городом, каким представлялся все эти годы, проведенные в дозорах и битвах. Было что-то подозрительное в обжорстве и веселости жителей, а генерал Бонапарт, первый из трех консулов, сразу насторожил Мале своим непомерным властолюбием зарвавшегося упрянца.

Правда, консулов пока было трое, но...

– Что задумался, Мале? – спросил его однажды Бонапарт.

– Три консула, – ответил Мале. – Наверное, совсем неплохое издание короля в трех аккуратных томиках. Но читать-то их все равно приходится с первого тома, с первой страницы.

Бонапарт шутливо потянул его за яркую мочку уха, в которой висела круглая оловянная сережка.

– Как тебе не стыдно, Мале, – упрекнул он его дружелюбно. – Ты же знаешь, что я отпетый республиканец.

– Впрочем, – заключил Мале, – три томика настолько плоски, что со временем их можно переплести в один том потолще.

– Шутишь, Мале?

– Нет, я уже вижу, как этот «толстяк» будет называться.

– Ну! Как же?

– Цезарь...

Виктор Гюго был в ту пору еще мальчиком. Но много позже он вспоминал об этом времени:

Веку было два года. Рим сменял уже Спарту.
И шагал Наполеон вослед Бонапарту...

* * *

– Я, – говорил Мале друзьям, – остаюсь верен идеалам республики и успокоюсь лишь в том случае, когда стану пить вино из черепа убитого мною деспота... Корсиканец ведет себя так, будто вся революция делалась ради его возвышения.

Мале уже распознал в молодом Бонапарте непомерное честолюбие и алчность к абсолютной власти; после 18 брюмера он, начальствуя в Дижоне, ожидал приезда первого консула, чтобы арестовать будущего властелина. В этом его поддерживал тогда Бернадот и другие офицеры-республиканцы. Кажется, Бонапарт догадался о ловушке и в Дижон не приехал...

Встреча меж ними все-таки состоялась.

– Мне, – сказал консул, – пришлось служить в артиллерии с капитаном Мале... не ваш ли брат? Но он убежденный роялист, а почему же вы решили остаться якобинцем?

Ответ Мале был таков, что из дивизионного генерала его разжаловали в бригадные. Бонапарт перевел его комендантом в Бордо, но это не обидело Мале: в 1802 году он выступил с протестом против обращения первого консула в пожизненного.

– Веселенькая капучинада! – гремел Мале в гарнизоне. – Однако в ней недостает сущего пустяка: всего лишь миллиона французов, сложивших головы за уничтожение как раз того, что ничтожный корсиканец так блистательно восстанавливает...

Наполеон понял: вот он – *враг*, которого следует или запугать, или подкупить. Но угрозы оказались бессильны: Мале смолodu не боялся «чихнуть в мешок» (так говорили тогда о смерти на эшафоте). Титулы и богатство его не прельщали – он оставался, не в пример другим, убежденным якобинцем. Скоро в Париже состоялось первое вручение знаков Почетного легиона; не был забыт и Мале, которого Бонапарт возвел в командоры ордена. Тогда же Мале созвал друзей на веселую пирушку и торжественно возвел своего повара в кавалеры Почетной ложки...

Наконец, Бонапарт превратился в императора Наполеона, но Мале отказался присягать императору!

Вся Франция дала ему присягу, но только не Мале...

Он проживал тогда в Ангулеме, и префект донес императору слова генерала, сказанные им в частном порядке:

– Нация французов потеряла достоинство. Несчастные трусы, они уподобились тем лягушкам, которые на своем загнивающем болоте все-таки выквакали себе короля...

Префект доносил, что в день коронации Наполеона только один дом в Ангулеме не был празднично иллюминирован – это был дом генерала Мале, из окон его дома весь день звучали возмутительные якобинские песни. «Даю слово чести, – сообщал префект, – что генерал Мале, несмотря на внешнюю любезность, является одним из главных противников правительства...» Префект просил сослать мятежного генерала куда-нибудь подальше, а гарнизон Ангулема, зараженный якобинством, раскассировать по дальним гарнизонам... Мале оставался верен себе:

– Мне ли бояться чихнуть в мешок?

2. «Заговор предположений»

Сейчас, когда споры о Мале затянулись почти на два столетия (в эти споры были вовлечены лучшие писатели Франции и наши лучшие историки, включая Евгения Тарле), когда было сломано немало копий в дискуссиях, а истина не раскрылась, лишь искуснее засекретилась под патиною безжалостного времени, – мне, конечно, не внести в эти разногласия предельной ясности – я способен лишь следовать фактам...

Фактов же почти нету! Остались одни догадки.

Говоря о филадельфах, историки активно оперируют словами: очевидно, вероятно, возможно, допустим, предположим, еще не доказано, надо полагать и так далее.

Итак, филадельфы! Что мы знаем о них?

Тайное «Общество филадельфов» во Франции ставило себе целью освобождение всех народов мира от тиранов, невзирая на то, в какие бы благородные тоги они ни рядились. Среди филадельфов были не только офицеры-республиканцы, давние враги Наполеона, но и простые рабочие, врачи, нотариусы, писатели, садовники, буржуа и рядовые солдаты. Французские филадельфы смыкались с «Обществом адельфов» в Италии, и здесь начинаются Тайны движения карбонариев. Адельфами руководил знаменитый Филипп Буонарроти, потомок Микеланджело, величайший конспиратор своего века, провозвестник утопического коммунизма. Именно этот человек держал в своих руках неосвязаемые для непосвященных тончайшие нити заговоров, подрывавших престолы венценосцев мира...

Да, Наполеон знал о существовании филадельфов и адельфов, но его изошренные в сыске шпионы оставались бессильны перед их идеальной конспирацией. Да, в Петербурге тоже были извещены о филадельфах, но император Александр I не мог предполагать, что таинственные связи Буонарроти дотянутся даже до Петербурга... Догадки, предположения, гипотезы! О-о, как много их накопилось за эти годы. Итальянские и французские историки сколько уже лет перепахивают старинные архивы, отыскивая хоть какие-нибудь намеки, чтобы намеки обратились в нерушимые исторические факты.

* * *

Вот подлинный *факт*: генерал Мале, посланный сражаться в Италию, был принят в «Общество филадельфов» своим же адъютантом Жаком Уде, известным по кличке Фелиппо-мен. Генерал Мале подчинился своему адъютанту, обретя подпольное имя – *Леонид*. Кажется, это не укрылось от ищек Наполеона, и тогдашний министр полиции Жозеф Фуше установил за генералом Мале негласное наблюдение.

В 1807 году Мале вышел в отставку и перебрался в Париж, чтобы готовить свержение Наполеона. Филадельфами был изготовлен поддельный указ сената, обращенный к народу:

«Сенат экстренно собрался и объявляет, что Наполеон Бонапарт изменил интересам французского народа, он издевался над народной свободой, судьбой и жизнью соотечественников... Нескончаемая война, ведущаяся с вероломством, вызванная жаждой золота и новых завоеваний, дает пищу честолобивому бреду одного-единственного человека и безграничному корыстолюбиво горсти рабов, начала политической жизни истощаются день за днем в делах сумасбродного и мрачного деспота...»

Внешне же казалось, что империя процветала! Ее архиканцлер Камбасерес был избран почетным президентом «Общества наполеоновских гурманов». В быстро нищавшей стране

бонапартисты обжирались лакомствами, похищенными у других народов, они со знанием дела запивали деликатесы благовонными винами.

– Ничего, – говорил Мале, – скоро мы заставим эту сволочь отгрыгнуть на панель все сожранное и выпитое. А штаб восстания мы разместим именно во дворце Камбасереса.

– Но почему? – удивлялись друзья.

– Потому что этот ничтожный человек печатью архиканцлера утвердит все что угодно, лишь бы сохранить свое кресло, лишь бы у него не отняли тарелку, из которой он привык насыщаться... Будем учитывать и продажность казенной бюрократии!

Новое правительство должны были возглавить испытанные борцы – как Лафайет, как гонимый генерал Моро, как адмирал Трюге и прочие... Мале готовил декреты – к армии и народу.

– «Солдаты! – диктовал он. – У вас нет больше тирана... В своем стремлении к власти Наполеон погиб. Сенат устраняет его нелепую династию. Вы больше не солдаты императора, отныне все вы служите только народу...» Что еще непонятно?

Непонятен был срок начала восстания, которое сулило несомненный успех лишь в отсутствие Наполеона, когда его не будет в столице. Франция вступала в 1808 год, уже обескровленная войнами, никто не верил в официальную радость рекрутов, призываемых на очередную бойню; леса по ночам освещались тысячами костров, возле которых грелись голодные дезертиры... Куда же теперь Наполеон развернет свои армии? Куда и когда? Где та добыча, которая соблазнит его грабительский вкус? Мале уже рисовал картины будущего демократической Франции:

– Народ пойдет за нами, ибо мы несем ему мир... вожденный мир! Мы отменяем воинскую повинность, мы провозгласим свободу слова и культов, свободу прессы и театра. Политические узники, независимо от их убеждений, обретают свободу!

Наконец, весной Наполеон поспешно отъехал в Байону, чтобы оттуда, со стороны Пиренеев, готовить вторжение своих полчищ в незащищенную Испанию... Кажется, момент назрел.

Генерал Мале сказал любимой жене:

– Если со мною что и случится в эти дни, ты не жалея обо мне... В этом мире насилия и лжи я не останусь последним римлянином! За мною пойдут другие, для которых чихнуть в мешок – пара пустяков. Береги себя и нашего сына Аристида...

* * *

Жозеф Фуше... В годы революции он сбросил с себя рясу священника, чтобы сделаться палачом, Фуше прислуживал чиновник Демаре, в прошлом тоже патер из провинции, который сбросил с себя личину якобинца, чтобы сделаться сыщиком. Но был в этой теплой компании официальных живодеров и подлинный интеллигент политического надзора – Этьен Дени Паскье, пламенный оратор-юрист; потеряв отца на гильотине, сам он едва избежал гильотины, а при Наполеоне сделался префектом тайной полиции, обретя славу мастера по раскрытию заговоров.

Демаре навестил Паскье в его кабинете и спросил:

– Знаешь ли генерала Лемуана?

– Чуть-чуть, – сказал Паскье, все зная о Лемуане.

– Поговори с ним... со слезою в голосе.

Лемуан знал мало, но и того, что он знал о предстоящем восстании, оказалось достаточным для арестов среди филадельфов; на квартире Мале нашли груды сабель и карабинов. Фуше вызвал Паскье и выдрал его за ухо, как нашкодившего щенка:

– Что я скажу теперь в оправдание императору?

– То, что скажут нам арестованные филадельфы.

– Но они ничего не скажут ни мне, ни тебе...

Так и случилось. Следствие сразу зашло в тупик. Полиция не имела главного для осуждения заговорщиков – улики... Сабли и карабины в счет не шли: кто не имел их тогда? Однако Наполеон даже из отдаления Байоны четко выделил именно генерала Мале: «Трудно найти большего негодяя, чем этот Мале... надо выяснить его связи в этом заговоре», – писал он Фуше. Среди многих имен, подозрительных для императора, мелькнуло имя и генерала Гидаля, служившего в Марселе... Фуше особым бюллетенем извещал императора: «Можно ли дать название заговора всем тем проидам, в которых нельзя раскрыть ни истинного вождя, ни способов исполнения, ни сообщников, ни собраний, ни переписки?..» Наконец, Фуше прямо объявил заговор генерала Мале *«заговором предположений»*. Это слишком уж странно для инквизитора, который ясно видел цели филадельфов, который разгадал и сообщников Мале, но был явно заинтересован в том, чтобы скрыть все это от императора. Есть подозрение, что Фуше хотел использовать движение филадельфов в своих – корыстных! – целях. То, что было необъяснимо для министра полиции, то не казалось загадочным для самого Фуше, если знать звериное нутро этого страшного оборотня великой империи Наполеона... К его несчастью, Наполеон это понял! Понял, и весь гнев, предназначенный для Мале, он обрушил на своего же министра. «Объясните мне роль Фуше в этих делах, – писал он канцлеру. – Что это? Сумасшествие? Или насмешка (надо мною) со стороны министра?»

Фуше наградил верного Паскье пощечиной.

– Что новенького? – вежливо спросил он при этом.

– Молчат... никто ни в чем не сознается.

– Значит, они молодцы! – похвалил Фуше филадельфов.

* * *

Назначив своего брата Иосифа королем в Мадриде, а шурина Мюрата *посадив* на престол в Неаполе, император Наполеон вернулся в Париж – раздраженный, придирчивый, нетерпимый.

– Несносным шумом вокруг имени Мале, – заявил он Фуше, – вы создаете ему репутацию, какой он не заслуживает. Тем самым вы позволяете обществу думать, что мое положение и мой престол в опасности. Между тем французы должны знать, что они счастливы жить под моим скипетром, а недовольных среди них быть не может... Это я недоволен вами, Фуше!

Филадельфов и якобинцев подвергли превентивному заключению – без суда. Мале был водворен в Ла-Форс не за то, что он сделал, а лишь за то, что он мог бы сделать. А сделать он мог бы, конечно, многое. Удайся тогда мятеж в Париже, и, может быть, вся история Европы пошла бы иным путем – путем демократических преобразований; возможно – хочу я верить! – наша древняя Москва сохранилась бы до наших дней той «белокаменной», какой и была она до исторического пожара 1812 года...

Наверное, императору все-таки доложили, что не генерал Мале, а полковник Уде – великий архонт (глава филадельфов); именно этот Уде связан с Буонарроти! И наверное, император Наполеон как следует подумал, а потом уже четко решил:

– Полковник Уде умрет у меня в чине генерала.

«Кем же умрет генерал Гидаль?» – мог бы спросить Фуше...

3. Последние репетиции

Генерал Гидаль был схвачен при попытке проникнуть в Ла-Форс, и Фуше небрежно спросил его на допросе:

– Вам хочется разделить участь Мале?

– Сидеть в камере с Мале, наверное, приятнее, нежели в вашем кабинете. Но... в чем же я провинился?

– В том, что вам не сидится спокойно в Марселе...

Гидаль вернулся на юг Франции, где (если верить слухам) филадельфы имели тысячи сторонников с оружием, готовых на все ради новой революции. Между тем в поведении Мале ничего не изменилось. Обычно он просыпался среди ночи, с помощью дешевого телескопа наблюдал за движением небесных светил, а по утрам столярничал у самодельного верстака... Поручик Лакомте, служивший в тюрьме помощником коменданта, однажды привлек его внимание. Почти заботливо, как отец, Мале расправил на груди поручика жиденький аксельбантик и заглянул в глаза юноши:

– Вы еще очень молоды... Наверное, я думаю, сумели наделать немало долгов в Париже?

– Как и каждый офицер, живущий только службою.

– Так вот, – предупредил Мале. – Советую расплатиться с заимодавцами, ибо скоро вам предстоит дорога в Испанию.

– Какая чепуха! – расхохотался поручик...

Майор Мишо де Бюгонь потом спрашивал Лакомте:

– Что он сказал тебе, сынок?

– Советовал расплатиться с долгами в Париже, считая, что скоро мне предстоит сражаться с гверильясами в Испании.

– Конечно, чепуха! – согласился майор. – Прежде наш великий император покончит с блудливою Австрией...

Но через неделю Лакомте уже отплывал в Барселону, чтобы погибнуть от руки партизан под стенами Сарагосы... Выходит, Мале знал гораздо больше того, что может знать узник Ла-Форса.

Демаре навестил Паскье, предупредив его:

– Когда наш император будет сражаться на подступах к Вене, от этого Мале, наверное, следует ожидать всяких дерзостей.

– Есть основания к таковым подозрениям?

Демаре сказал, что итальянский бандит Сорби, сидя в тюрьме Ла-Форса, что-то пронюхал о планах Мале, а теперь желал бы продать генерала как можно дороже.

– В обмен на свободу, – заключил свой рассказ Демаре.

– Об этом стоит подумать, – ответил Паскье...

На квартире коменданта де Бюгоня состоялась тайная встреча бандита Сорби с префектом тайной полиции.

– Ну что ж, – сказал Паскье. – Свобода – тоже товар, имеющий свою ценность. Ты даешь мне свой товар – сведения о Мале, я расплачиваюсь с тобой верной купюрой – амнистией...

Сорби выболтал ему такое, что Паскье поспешил к министру с невероятным известием: генерал Мале, даже в застенке Ла-Форса, снова готов выступить против Наполеона:

– Он ждет, когда императора не будет в Париже.

Фуше нехотя разрешил освободить Сорби:

– Но он явно перестарался в сочинении своих фантазий! Сидя в замке Ла-Форса, невозможно свергать правительства. Впрочем, его величеству об этом будет мною доложено...

Пятого числа каждого месяца в пять часов вечера секретный узник поворачивался лицом в сторону заходящего солнца и пять минут посвящал размышлениям о том, что им сделано для пользы народа и что еще предстоит сделать. Так повелевал закон филадельфов, и одновременно с генералом Мале тысячи его соратников тоже обращали взоры к погасающему светилу... Мале, как и все якобинцы, постоянно был готов к смерти, естественной или насильственной – это не так уж важно: «Если жизнь не удалась, человек погружается в смерть, как в летаргический сон, и, дождавшись в смерти лучших времен, он воскресает для новой жизни, которая будет лучше той, которую ранее он покинул...»

Мысли филадельфов точнее выразил поэт Гёте: «Кто жил достойно в свое время, тот и останется жить во все времена!»

* * *

Поверим на слово Жозефу Фуше, писавшему, что вскоре любое упоминание о филадельфах приводило Наполеона в содрогание; император предполагал, что «эти люди имеют опасные разветвления в его армии». Кажется, полковник Жак Уде сознательно не был удален им из армии, чтобы следы великого архонта не затерялись в гуще народа. Между тем тюрьма на улице Паве, где сидел генерал Мале, явно привлекала филадельфов. Что-то слишком часто стали они наезжать в Париж, пытаясь обмануть бдительность стражей. В сферу наблюдения Паскье тогда попали многие филадельфы, ищущие личных контактов с узником. Не ощущать наличия крепкой и мыслящей организации, связанной с именем Мале, было уже нельзя, но лицо Жозефа Фуше по-прежнему оставалось бесстрастным, как гипсовая маска.

– Вы опять об этих фантазиях Сорби, – недовольно говорил он Паскье. – Но стоит ли придавать значение словам человека, который способен выдумать даже полет на Луну, только бы ему доставили сладкое блаженство личной свободы...

В мае 1809 года генерал Мале видел из окошка камеры прачек, которые горевали у фонтана Виразу, сидя на кучах белья. Они оплакивали мужей, пропавших без вести в Испании, сыновей, убитых в излучинах Дуная... В эту яркую весну армия императора безнадежно застряла напротив Вены, в бессмысленной бойне под Эйслингеном полегло сразу тридцать тысяч французских юношей, а Наполеон в хвастливом бюллетене распорядился считать эту сомнительную битву своей победой. Но истина дошла до Парижа, гарнизоны роптали, в народе Франции появилась растерянность. В следующей битве, при Ваграме, император обласкал полковника Жака Уде своим высочайшим вниманием:

– Полковник, отныне вы – мой бригадный генерал и подтвердите мужеством, что вы достойны этого высокого чина...

Уде и его полк были брошены в самое пекло битвы, а генерал Уде был жестоко изранен выстрелами в спину – из засады! Великий архонт успел продиктовать пять предсмертных писем, одно из которых было адресовано генералу Мале...

Тяжко было видеть тоскующих прачек у фонтана.

– Не плачьте! – крикнул им Мале. – Скоро придет мир...

Его схватили при попытке к бегству, когда в соборе Парижской богородицы готовились запеть благодарственный «Те Деум» в честь победы Наполеона над Австрией. Со взводом барабанщиков Мале хотел ворваться в собор, чтобы со священного алтаря провозгласить народу и всей Франции:

– Император убит... да здравствует республика!

Барабаны заглушили бы вопли отчаяния бонапартистов, а для легковверных парижан были заготовлены прокламации на бланках сената. Мале казалось, что французы устали приносить жертвы своему «Минотавру», он сумеет увлечь гарнизон за собой, а сам Бонапарт уже

не осмелится вернуться в Париж, отвергающий его ради мирной жизни... Паскье навестил министра Фуше.

– Выходит, что Сорби был прав, – сказал он. – Генерал Мале имеет своих людей даже в сенате. Иначе откуда бы взялись эти официальные бланки, на которых напечатаны криминальные слова: «Бонапарта нет, долой корсиканца и его полицию, отворим все тюрьмы Франции настежь...» Что скажете вы теперь?

– Мале... *спятил*, – сказал ему Фуше.

– Напротив, – возразил Паскье. – Мале как раз очень здраво учитывал настроения публики в Париже...

Мале поместили в секретную камеру. Мишо де Бюгонь сам проверил засовы и с тех пор носил ключи от темницы мятежного генерала на груди – подле дешевого солдатского амулета.

– Бедный Мале, – признался он толстухе жене. – Конечно, он малость рехнулся: в самый-то торжественный момент, когда весь Париж возносит хвалу императору за его победу, и вдруг явиться в святом алтаре... с барабанным боем! Да, такое не каждый придумает. С этим Мале надо быть осторожнее...

Мягкими, но скорыми шагами горца Мале обходил камеру по диагонали – крест-накрест. Он размышлял. Он анализировал.

* * *

Через год состоялось бракосочетание разведенного Наполеона с молоденькой австриячкой. По этому случаю была дарована амнистия, которая не коснулась ни Мале, ни его филаделффов. Жозеф Фуше получил титул герцога, но его подозрительные колебания уже не располагали Наполеона к доверию; на пост министра полиции выдвигался Савари (он же – герцог Ровиго).

Однако Мале до сих пор ни в чем не сознался, а упорство генерала смутило даже сановников империи, склонных поверить в его невиновность. Ощувив это, Мале личным посланием потревожил улады новобрачного. «Я постоянно жду Вашей справедливости, – писал он Наполеону, – но вот прошло уже два года, а я все еще в заключении». Одновременно с этим Савари получил ходатайство от мадам Мале о пересмотре дела ее мужа...

Между Савари и Демаре возник краткий диалог:

– Черт побери, так кто же этот Мале?

– Всего лишь бригадный генерал.

– Виноват он или оговорен? – спрашивал Савари...

Не так давно в Ла-Форсе освободилась камера: Мале лишился приятного соседа, аббата Лафона, выступавшего в защиту папы римского; священника, как повредившегося в разуме, перевели в клинику Дебюиссона. В эти дни, составляя рапорты о поведении узников, де Бюгонь начал отмечать «ненормальную веселость бывшего бригадного генерала». Жене он говорил:

– И с чего бы ему веселиться? Впрочем, этот аббат Лафон тоже был хороший дурак... Я вот думаю: неплохо бы нам отправить и Мале на лечение, пока еще не поздно...

Однажды он еще не успел позавтракать, когда ему доложили, что генерал Мале выразил настоятельную необходимость видеть коменданта тюрьмы у себя в камере.

– В такую-то рань? Чего ему надобно? – Однако не поленился подняться в башню. – День добрый, генерал!

Мале смахнул с колен курчавые стружки:

– Велите прибрать в моей камере, господин майор. Новый министр наверняка пожелает нанести мне визит...

– Герцог Ровиго? – изумился майор. – С чего бы это?

– Велите прибрать! – кратко закончил Мале...

Спустившись в свою квартиру, старый комендант – в ответ на вопрос жены – лишь небрежно отмахнулся, как от мухи:

– Надоел он мне! Опять какие-то бредни...

Но караульный уже дергал шнурок колокола, возвещая о прибытии в тюрьму высокого гостя. Мишо де Бюгонь жестоко поплатился за свою недоверчивость: он был вынужден встретить министра в халате, в туфлях на босу ногу. Герцог Ровиго (тоже старый республиканец!) похлопал коменданта по животу:

– Берите пример с меня: я давно уже на ногах...

Министр действительно навестил генерала Мале, и тот встретил его за верстаком, стоя по колено в стружках.

– Вы, я вижу, – начал герцог любезно, – недаром проводите здесь время. Что это будет у вас – табуретка?

– Скорее, престол великой империи. Мне осталось только выдолбить круглую дырку посередине...

О чем они рассуждали затем, майор не все расслышал, но Мале дважды возвысил перед министром голос.

– Какие глупости! – фыркал он. – Изменить нации, к которой сам принадлежишь, нельзя. Изменить можно только правительству. Вам должна быть известна эта классическая формула. А о будущем человечества никак нельзя судить по его настоящему, ибо настоящее очень часто бывает обманчиво...

Ровиго что-то отвечал, но Мале взбунтовался снова.

– Пока нации имеют идолов, – гневно выговаривал он, – равенства быть не может, ибо властитель, хочет он того или не хочет, но он все равно стоит над судьбами людей...

Дверь с лязгом распахнулась, и герцог Ровиго, запахиваясь в малиновый плащ, поспешно выскочил из камеры Мале:

– Газеты не присылать. Верстак отберите.

– А... телескоп? – спросил де Бюгонь.

– Звезды тут ни при чем. Оставьте...

После этого случая майор де Бюгонь пригласил генерала Мале к себе на квартиру, они вместе хорошо поужинали.

– Услуга за услугу, – сказал комендант. – Вы предупредили меня о нечаянном визите Савари, а я сообщаю вам, что недавно арестован и заточен в ужасный Венсеннский замок генерал Виктор Лагори, приятель изгнанника Моро... Оба они, если я не ошибаюсь, как раз из вашей веселой компании!

Мале был подавлен этим известием (Лагори был необходим ему в Париже и непременно на свободе – для связи с эмигрантом Моро; в нужный момент оба они, Мале и Лагори, должны были выступить одновременно ради свержения Наполеона).

– Как он попался? – сухо спросил Мале.

– Дурак! Сам же явился в приемную герцога Ровиго, надеясь на указ императора об амнистии по случаю его свадьбы. А до этого Лагори скрывался на улице Фельянтинок, где давно проживала его любовница – мадам Софи Гюго с детьми...

Мале отпил вина из бокала, губы его порозовели.

– Я хотел бы видеть Лагори!

– Скоро, скоро, – утешил его де Бюгонь.

– Не понял.

– Сейчас поймете. Мадам Софи Гюго, помимо женских страстей, занята страстями и политическими. Она уже хлопочет, чтобы ее обожателя перевели из Венсеннского замка в Ла-Форс, который, благодаря моему доброму сердцу, славится на всю Францию мягкостью тюремного режима...

– Кто помогает ей в этом? – спросил Мале.

– Представьте, ваш бывший сосед – прелат Лафон, которого еще при Фуше сочли спятившим. У него какие-то связи...

Мале понятливо кивнул. Он-то знал, что цели роялистов и папистов иногда парадоксально смыкаются с целями революционеров – в общем негодованием против династии Бонапартов. (Андре Моруа писал, что Софи Гюго добила свидания с возлюбленным: «Он сгорбился, исхудал, пожелтел, челюсти его судорожно сжимались... Савари говорил, что его только вышлют из Франции: изгнание – это милосердие тиранов. Вмешательство женщины сильного характера все изменило...»)

Лагори появился в Ла-Форсе вместе с фолиантами Вергилия и Горация, при встрече с Мале он сказал ему радостно:

– Надеюсь, тебе будет приятен горячий привет от генерала Моро из заокеанской Филадельфии...

Мале врезал сподвижнику такую крепкую затрещину, что голова Лагори жалко мотнулась в сторону.

– Меня, – жестко рассудил Мале, – более обрадовало бы, если бы ты остался на свободе... Что за глупость – поверить в амнистию императора? Как ты посмел явиться к Савари за отпущением грехов и принять на веру слова о милосердии императора? Тебя следовало бы расстрелять по суду филадельфов.

– Прости, Мале... я сплоховал, – покаялся Лагори. – Но я никогда не изменял делу, которому мы служим. Прости...

– Ладно. А что Гидадь?

– По-прежнему в Марселе. Там все готово...

По таинственным каналам в камеру Мале притекали самые новейшие сведения о делах в империи; о многом он узнавал даже раньше парижан. Свидания он имел (правда, частые) только с женою. Префект полиции заподозрил было мадам Мале и намекнул об этом майору, но де Бюгонь сразу вспылал:

– Обыскивать ее не стану! Лучше уж в отставку.

– Да, – согласился Паскье, поразмыслив. – Пожалуй, вы правы, майор: обыскивать женщину – верх безнравственности...

Комендант снова, в который уже раз, отметил в рапортах «ненормальную веселость» генерала Мале. А что он знал о нем? Да ничего... Три заговора прошли через жизнь генерала – три неудачи. Первый еще в Дижоне, на самом срезе веков, когда «шагал Наполеон вослед Бонапарту», второй заговор, когда Цезарь разбойничал в Байоне, не удался и третий, когда Наполеон сражался на полях Австрии... Но Мале не унывал.

– Будем считать, – говорил он Лагори, – что репетиций было уже достаточно и в финале этого грандиозного спектакля Наполеон лишится своего нескромного сидалища – престола...

* * *

Возле фонтана Виразу на улице Паве иногда появлялась женщина с мальчиком. Печальным взором она скользила по окнам страшного тюремного замка, отыскивая в них лицо любимого человека. Это была мадам Софи Гюго, влюбленная в Лагори, а мальчик – ее сын, будущий писатель Франции, который почти не знал своего отца, зато обожал того самого человека, которого любила его несчастная мать.

Итак, три заговора – три трагические неудачи.

Никто не знал, что здесь, в каменном застенке Ла-Форса, вызревает еще один – четвертый, и самый решительный!

Мадам Гюго с сыном уходила в даль тихой улицы Паве.

В один из пасмурных дней Мале сказал Лагори:
– Слушай, а не пора ли мне сойти с ума?

4. Диагноз: острое помешательство

В тюрьме появился новый узник – неистовый корсиканец Боккеямпе, имевший несчастье быть земляком самого императора. В семействе его, очевидно, сохранились какие-то предания о молодых годах Бонапарта, который, став владыкой Франции, категорически пожелал, чтобы люди имели короткую память. К сожалению, память у Боккеямпе была превосходной, и он никак не мог забыть того, что Наполеон предал свою маленькую родину.

Угодив в застенки, Боккеямпе создал для себя железный режим: с утра пораньше хватал в руки что попало, начиная высаживать двери камеры. Короткий перерыв на обед и прогулку, после чего Ла-Форс снова наполнялся чудовищным грохотом.

– Оставь. Что ты хочешь доказать этим? – говорил ему Мишо де Бюгонь. – Успокойся, сынок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.